

мательства используется однобоко – в службах безопасности и охраны. А ведь среди них есть работники практически любых специальностей, в том числе имеющие большой опыт управленческой, хозяйственной, правовой и воспитательной работы.

Что же касается высшего офицерского состава, то многие из них принимали непосредственное участие в становлении нашего молодого государства, внесли свою лепту в обеспечение его национальной безопасности, в то же время опыт и потенциал многих из них не использован до конца. Решением вопросов социальной адаптации военнослужащих должен заниматься специальный государственный орган, тесно взаимодействующий с ветеранскими организациями силовых структур.

Ветераны силовых структур поднимают вопрос пенсионного обеспечения. И здесь речь идет не столько о повышении пенсий, сколько о соблюдении принципа справедливости. Они просят законодательно закрепить норму, согласно которой при

каждом повышении окладов действующим «силовикам» будет как бы автоматически производиться перерасчет пенсий ветеранам.

И еще одно важное предложение ветеранов: к 65-летию Победы сделать подарок для участников Великой Отечественной войны и трудового фронта и принять наконец-то Закон Республики Казахстан «О ветеранах».

– Реализация ваших предложений потребует значительного финансового обеспечения. Где взять деньги, тем более в условиях мирового экономического кризиса?

– Вполне резонный вопрос. Дополнительное финансовое обеспечение, безусловно, потребуется. Но социальные вопросы военнослужащих надо решать постоянно и поэтапно. Для этого во всех силовых структурах имеются немалые внутренние резервы.

Во-первых, за счет оптимизации и сокращения штатов, прежде всего управленческого аппарата. Надо уходить от уравниловки и четко разде-

лить функции военнослужащих на боевые, вспомогательные и сервисные. Можно многие военные должности заменить на гражданские, сократить промежуточные должности.

Во-вторых, за счет экономии, рационального использования денег, направленных на развитие Вооруженных сил, пограничных и других войск и воинских формирований.

В-третьих, за счет продажи по рыночной стоимости неиспользуемых объектов, излишнего вооружения, техники и целевого направления этих средств на решение самой острой социальной проблемы – жилищной.

И еще одно замечание. Проблемы защиты прав и законных интересов военнослужащих, которые мы исследуем, выводы, к которым мы приходим, относятся и к правоохранительным органам, где также служат и работают люди в погонах. Особенно это касается сферы их социального обеспечения. ■

Записал
старший лейтенант Р. КАГЕНОВ

«БЕРКУТ»

Виктор АБРАМОВ

В канун 2010 года, а если быть совсем точным, 28 декабря, полковнику запаса Владимиру Михайловичу КОНКИНУ исполнилось шестьдесят лет. За его плечами - без малого тридцать календарных лет военной службы и больше десяти лет ответственной работы в солидном, хорошо известном в Среднем Поволжье охранном предприятии. Годы, отданные охране и защите государственной границы, посвященные воспитанию и обучению кадровых пограничников, сотрудников органов безопасности, постоянной, каждодневной работе с людьми, не могли пройти бесследно. Они не только не утомили, не опустошили ветерана, а напротив, закалили, сделали опытнее, мудрее, позволив к тому же не растратить жизненный запал.

Несмотря на то что Владимир Михайлович уже давно не в строю, не носит военную форму, время словно не властно над ним: в нем по-прежнему чувствуются офицерская выправка и стать, внутренняя энергия, бодрость, разумный оптимизм.

Отец Владимира Конкина – Михаил Иванович – родом из Ульяновской области. В 1943 году его, восемнадцатилетнего парнишку, призвали в действующую армию. Он воевал на фронтах Великой Отечественной вплоть до самой Победы, но был демобилизован лишь через два года после окончания войны. Однако в родное село Чириково Кузоватовского района солдат-победитель, кавалер целого «иконостаса» орденов и медалей, не вернулся. Вместе с сослуживцем, боевым товарищем, с которым много лет вместе делил фронтовые тяготы и невзгоды, подался в Астрахань, где устроился водителем на кондитерскую фабрику. Вскоре познакомился с коренной астраханкой Женей Кузнецовой.

Девушка к середине войны окончила семилетку и пришла ученицей строгальщика на судоремонтный завод. Овладев редкой, но очень нужной специальностью, неоднократно выполняла важные задания для экстренного ремонта боевых кораблей Военно-морского флота. Ее трудовые свершения Родина достойно оценила, наградив медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Вместе с отрезком на платье ее вручили на торжественном собрании

многосотенного коллектива завода. В 1948 году недавний фронтовик и ударница тыла поженились. Годом позже в рабочей семье Конкиных появился первенец, назвали мальчика Владимиром.

Послевоенное время было очень суровым, тяжелым и, можно сказать, полуголодным. Володя рос слабым, болезненным и выжил только благодаря заботам бабушки со стороны матери, взявшей внука на воспитание и приложившей немало сил, чтобы поставить его на ноги. Правда, из-за перенесенных многочисленных детских болезней младший Конкин пошел в школу с опозданием на год, но это не помешало ему в последующем наверстать упущенное.

После восстановления разрушенного войной хозяйства в конце сороковых – начале пятидесятых годов в нашей стране развернулась масштабная всенародная стройка. В 1953 году глава семейства Михаил Иванович как умелый, опытный монтажник уехал на строительство Куйбышевской ГЭС. Володя оставался с бабушкой. Но когда в 1958 году Конкиных направили возводить Рогунскую ГЭС на далекой и малоизвестной тогда горной реке Вахш, в знойный Таджикистан поехала вся семья в полном составе. К тому времени она пополнилась еще и двумя девочками: Татьяной, родившейся в 1952 году, и Людмилой, появившейся на свет двумя годами позже. Сестренки в школу еще не ходили, а Володя уже учился во втором классе в областном центре – Курган-Тюбе. Третий и четвертый классы он проходил уже в приполярном городе Кандалакше, расположенном на северо-западном берегу холодного Белого моря.

Такие переезды были очень интересны для подростка, приносили ему массу новых открытий и впечатлений, но не могли положительно сказываться на учебе. Бабушка забрала внука к себе, и в пятый класс Володя пошел опять в одну из астраханских школ. Тут открылись его музыкальные дарования. Он параллельно стал посещать музыкальную школу, осваивать искусство игры на баяне.

В. Конкин (второй слева) у мемориала Победы на родине отца. Май. 2009 год.

В 1965 году семья Конкиных наконец-то обрела «оседлость»: Михаилу Ивановичу предложили постоянную работу на Куйбышевской ГЭС, которую он в начале пятидесятых начинал возводить «с нуля». За участие в той грандиозной стройке был награжден знаком строителя Куйбышевской ГЭС и гордился им, пожалуй, не меньше, чем полученными на фронте орденами и медалями. Нашлось место и для Евгении Федоровны: она устроилась дежурным диспетчером в одном из автохозяйств. Их постоянным местом жительства стал город Жигулевск, получивший свое название от достаточно древних и весьма живописных Жигулевских гор, где и был заложен с началом строительства одной из мощнейших электростанций Волжского гидрокаскада.

С шестого по восьмой класс Володя Конкин учился в средней школе № 5 молодого и уютного городка на Волге. А аттестат о полном среднем образовании получал в Астрахани, куда его снова забрала бабушка. Здесь юноша стал активно заниматься спортом, особенно ему нравилась гребля на каноэ. К этому времени от прежних детских болезней не осталось и следа. Молодой человек окреп, возмужал и уже нередко ловил на себе восхищенные взгляды девчат.

Володя с малых лет был воспитан на военной героике. У него не только отец воевал с фашистами, но и дед по матери – ефрейтор Кузнецов – с первого до последнего дня той беспощадной войны был санинструктором роты, вынес с поля боя 19 раненых. И нет ничего удивительного в том, что по окончании школы он решил поступать в Ейское авиационное училище летчиков. Быть пилотом морской авиации – это так здорово! Успешно сдал все вступительные экзамены, но, к сожалению, не прошел строжайший отбор медкомиссии, обнаружившей небольшие отклонения по зрению.

Пришлось возвращаться в Жигулевск, к родителям. Стал учиться в профессионально-техническом училище № 52 г. Тольятти и одновременно посещать подготовительные курсы открывавшегося автомобильного факультета Тольяттинского политехнического института, прием студентов на который планировался в 1968 году.

И все-таки с мечтой стать кадровым военным не расстался. Ранней весной 1968 года в Жигулевский горвоенкомат приехал за отбором офицер-пограничник. Встреча с ним для будущего призывника стала решающей: в июле Владимир Конкин уже направился в Алма-Атинское высшее пограничное училище КГБ при СМ СССР имени Ф.Э. Дзержинского и после уверенного преодоления всех конкурсных испытаний – сдачи экзаменов, проверки уровня физической подготовки, прохождения медкомиссии – был зачислен курсантом этого прославленного учебного заведения. По завершении первого курса его назначили заместителем командира взвода, командиром учебной группы, присвоили звание младшего сержанта. Учился Владимир с большим желанием и на выпуске в 1972 году заслуженно получил диплом с отличием.

По распределению лейтенант В. Конкин попал на Кавказ, в Ахалцихский пограничный отряд Закавказского пограничного округа. Начальник войск при первой же встрече с молодыми офицерами сказал, что бывшие сержанты и к тому же отличники будут направлены на самые «тяжелые» пограничные заставы. Владимир получил назначение на должность заместителя начальника пограничной заставы «Орловка».

Здесь он в течение трех лет осваивал практику организации и проведения учебно-воспитательной работы с личным составом, помо-

гал коллективу заставы избавиться от приклеившегося неприятного ярлыка неблагополучного подразделения. Здесь он на практике уяснил роль и значение воспитателя в становлении воинского коллектива, в мобилизации солдат и сержантов на успешное решение задач по охране границы, по поддержанию уставного порядка, укреплению воинской дисциплины. И одним из главных условий достижения успехов в работе с людьми был личный пример самого офицера-воспитателя.

На пограничной заставе «Орловка» в семье лейтенанта Конкина в 1974 году родилась дочка Елена.

Старание и последовательные успехи лейтенанта не остались незамеченными. В 1975 году он возглавил заставу «Аццури», которая в тактическом плане была тыловой, но имела очень важное оперативное значение, поскольку контролировала всю дорожно-транспортную инфраструктуру на участке пограничного отряда. Только за год здесь было задержано более десятка потенциальных нарушителей государственной границы.

Начальник войск округа генерал-лейтенант Викторов, приезжавший на заставу с группой офицеров управления, узнав о результатах служебно-боевой деятельности подразделения, лично распорядился представить старшего лейтенанта В. Конкина к награждению медалью «За отличие в охране государственной границы СССР».

На построении личного состава на заставе «Аццури»

Офицер должен владеть боевой техникой.
Учебный центр ВПА им. Ленина. Кубинка. 1981 год.

Так Владимир Михайлович получил свою первую и самую почетную для любого пограничника награду.

В 1976 году его назначили заместителем коменданта 1-й пограничной комендатуры, которая охраняла участок на стыке с Хичаурским пограничным отрядом. А в 1977 году его перевели старшим инструктором в политотдел.

Через два года Конкин, уже будучи капитаном, блестяще сдал единственный для него как обладателя диплома с отличием конкурсный вступительный экзамен, поступил в Военно-политическую академию имени В.И. Ленина. После ее успешного окончания в 1982 году офицера-политработника направили в Забайкалье старшим инструктором политотдела округа.

Те, кому когда-либо довелось служить в управлении войск того или иного пограничного округа, по себе знают, что работа там – это регулярные и многодневные командировки на границу. Прежде всего в курируемые пограничные отряды, в другие части и соединения. Служба майора В. Конкина не стала исключением: по двадцать и более суток в месяц работал он в закрепленных за ним пограничных отрядах – Даурском, Кизылском, Кяхтинском, Сретенском, Приаргунском, на ОКПП «Иркутск».

Забайкалье – не только отдаленный географически, суровый по климатическим условиям, но и весьма сложный по экологии регион нашей страны. Через два года службы

здесь при очередном плановом медицинском осмотре специалисты-эскулапы выявили у Владимира Михайловича заболевание, несовместимое с местным повышенным радиационным фоном. Работавшие в этот период в Чите представители управления кадров из Москвы предложили офицеру должность преподавателя в одном из пограничных училищ. Владимир Михайлович вынужден был принять это предложение. Осенью 1984 года его направили в распоряжение начальника Алма-Атинского высшего пограничного командного училища – родного учебного заведения, некогда давшего ему офицерскую путевку в жизнь. И он, пройдя шестимесячную специализацию в Москве, стал преподавать курсантам военную психологию – относительно новую и весьма непростую учебную дисциплину.

Имея богатую практику воспитательной работы с личным составом застав и подразделений, многолетний опыт подготовки офицеров пограничного отряда, управления войск округа, Владимир Михайлович хорошо владел педагогическим мастерством и умел увлечь своих слушателей преподаваемым предметом. Он восхищал их своими обширными, разносторонними знаниями, буквально зажигал интересом к изучаемым темам. Его лекции всегда проходили живо, активно, оставляли добрый след в умах и сердцах курсантов. Майор В. Конкин заслуженно

считался одним из лучших, наиболее передовых и результативных преподавателей Алма-Атинского высшего пограничного училища.

Следуя примеру отца, и дочь Елена решила стать педагогом. Она закончила одно из педагогических училищ столицы Казахстана и стала работать учителем. Чтобы получить высшее образование, пошла учиться в Алма-Атинскую академию народного хозяйства.

В 1987 году с одобрения учебного совета училища и командования Главного управления Пограничных войск Владимир Михайлович поступил в целевую адъюнктуру ВПКК КГБ СССР и спустя три года успешно написал кандидатскую диссертацию. Но еще в период учебы в адъюнктуре, в январе 1990 года, побывал в экстренной двухнедельной командировке в Баку, окунувшись в атмосферу хаоса и анархии, порожденную «парадом суверенитетов» в бывших союзных республиках. Огромная, великая страна, в которой он родился, вырос, которой служил, распалась. Позже такую же атмосферу, пусть и с меньшим накалом националистических страстей, подполковнику В. Конкину пришлось ощутить и в прежней столице Казахстана – Алма-Ате, где молодой ученый возглавил кафедру психологии, педагогики и социологии родного учебного заведения.

Несмотря на сложность политической обстановки, тяготы и лишения того периода, Владимир Михайлович продолжал добросовестно, как того требуют военная присяга и честь офицера, выполнять свой воинский долг по подготовке молодых кадров для границы, передавать им свои знания и умения. И не случайно на очередном совете училища его кафедра была признана лучшей по научной работе, а сам он представлен к званию доцента. Вскоре это представление было утверждено в Москве.

Руководство КНБ Республики Казахстан, в чье ведение перешло в начале 90-х годов Алма-Атинское пограничное училище, ставшее впоследствии военным институтом, настоятельно просило Владимира Михайловича перейти в кадры Комитета национальной безопасности и продолжить работу в действующем учебном заведении, даже предлагало при этом генеральскую долж-

ность. Но на тот момент уже полковник, В. Конкин не поддавался соблазну. В 1993 году он в последний раз присутствовал на очередном выпуске подготовленных с его участием офицеров для границы. А вскоре был переведен в Управление ФСК по Самаре и Самарской области.

Можно считать весьма символическим то, что в далеком 1968 году из дверей старого здания управления по улице Степана Разина безусый мальчишка Володя Конкин отправился поступать в высшее пограничное училище, чтобы стать офицером. И вот через четверть века возвратился сюда же в звании полковника, доцента. Его назначили начальником одного из направлений. Чуть позже к служебным заботам добавились общественные: он неоднократно избирался председателем совета Офицерского собрания.

В 1996 году в Жигулевске умер отец, а следом за ним, в январе 1997 года, мать Владимира Михайловича. Ушли не просто родные и близкие люди. С ними ушла целая эпоха в его жизни, в которой он, несмотря на прожитые годы, всегда оставался сыном. В каком-то смысле тот период стал и периодом переоценки ценностей, переоценки себя.

Отдав пограничным войскам и органам федеральной безопасности почти тридцать лет в календарном исчислении, полковник В.М. Конкин с полным основанием мог считать свой офицерский долг выполненным. 12 апреля 1997 года приказом Директора ФСБ России он был уволен с действительной военной службы с правом ношения военной формы одежды.

Но жизнь на этом не остановилась. Приехав в Жигулевск, по рекомендации руководства областного управления ФСБ Владимир Михайлович энергично, с присущими ему инициативой и настойчивостью в достижении цели взялся за создание и формирование кадрового охранного предприятия. Его подразделения должны были взять под надежную охрану и защиту ряд крупных предприятий и организаций, прежде всего имевших важное федеральное и региональное значение. Требовалось поставить дело обеспечения безопасности этих объектов на постоянную, законную, а главное – профессиональную основу. Так ро-

Генеральный директор ОП «Беркут»

дилось охранное предприятие, получившее название «Беркут», а его генеральным директором стал полковник запаса Владимир Михайлович Конкин.

С поставленной задачей ветеран органов безопасности справился. Ныне ОП «Беркут» – это солидная, четко структурированная, авторитетная организация, выполняющая свои охранные функции не только на территории Самарской области, но и в ряде соседних регионов. Результаты служебной и трудовой деятельности возглавляемого В. Конкиным коллектива высоко ценятся лидерами законодательной и исполнительной власти региона и на местах, руководителями предприятий. Среди отзывов, адресованных генеральному директору ОП «Беркут», – дипломы Самарской губернской думы, мэрии г. Тольятти, грамоты, благодарственные письма и другие поощрения.

Финансово-экономический кризис, охвативший нашу страну в последнее время, не обошел стороной учреждение, возглавляемое Владимиром Михайловичем. Проблема неплатежей, вынужденная необходимость оптимизации штатного состава подразделений, беспардонные попытки некоторых местных властных структур сократить сферу деятельности «Беркута» или подмять его под себя – вот далеко не полный перечень проблем, которые приходится в каждодневном режиме

решать бессменному генеральному директору. И в первую очередь он как руководитель стремится обеспечить жизненные интересы сотрудников: своевременно и полно выдавать заработную плату, оказывать материальную и иную необходимую помощь, заботиться о нормальных условиях работы и службы, их личной безопасности.

Должность генерального директора не только хлопотная и ответственная, но и оставляющая очень мало свободного, личного времени. Тем не менее В. Конкин активно участвует в общественной жизни города, в работе ветеранских организаций. Даже в непростое, кризисное время Владимир Михайлович продолжает оказывать спонсорскую помощь воспитанникам детского дома № 1 г. Самары, детского приюта, организованного благочинным отцом Николаем в поселке Саракташ Оренбургской области. Он избран членом Совета ветеранов при Управлении ФСБ по Самаре и Самарской области.

Верным спутником, надежным другом и помощником считает Владимир Михайлович свою жену Любовь Федоровну, с которой они сейчас живут вдвоем, вместе делят радости и переживают невзгоды. Недавно от Елены, вышедшей замуж, родившей внучку и ныне работающей за границей, в День благодарения пришло теплое, сердечное, полное признательности, восхищения, благодарности и дочерней любви письмо. Что может быть дороже такой оценки и поддержки?!

Беркут, как известно, – изящная, умная, благородная и гордая птица семейства орлиных. Не случайно охранное предприятие, которое вот уже двенадцать лет возглавляет Владимир Михайлович, носит столь обязывающее название. С этой птицей ассоциируется и руководитель ОП «Беркут» – полковник запаса, кадровый пограничник, ветеран КГБ–ФСБ. Вся свою сознательную жизнь он учил и учит молодежь главному в жизни – любить свою Родину и свое дело, быть верным традициям старших поколений. ■

Фото из архива полковника запаса В. КОНКИНА

На десять дней база отдыха «Голубые озера» стала своеобразным островом свободы – свободы от политических предрассудков, в основе которых лежит недоверие к людям, представляющим другую страну, другую национальность. В «Голубых озерах» проходил Международный молодежный сбор военно-спортивных организаций «Союз-2010. Наследники Победы». Здесь можно было увидеть давно забытую картину, когда в одной команде соревновались эстонцы, латыши, таджики, русские. Организаторы сбора, активно выступая за дружбу народов бывшего СССР, уверены: возрождение этой дружбы следует начинать именно с молодежи.

Дружба народов: ОПОРА НА МОЛОДЫХ

Виталий ПОЗДНЯКОВ

Что ни команда – интернационал

«Когда мы едины – мы непобедимы!» – такой девиз использовали организаторы Международного молодежного сбора военно-спортивных организаций «Союз-2010». Это мероприятие, призванное, по большому счету, объединить молодых людей из стран бывшего СССР, проводится не в первый раз. Однако нынешний «Союз-2010» привлек особое внимание прессы и общественности. Об этом говорит тот факт, что в период

его проведения информационную поддержку оказывали журналисты тридцати медийных компаний и организаций, в том числе и федеральные телеканалы. Действительно, многим кажется удивительным, что спустя почти двадцать лет после распада Советского Союза молодежь разных народов снова объединилась под знаменем интернационализма.

– В этом году мы принципиально решили отказаться от стандартной схемы соревнований. Теперь ребята состязались в составе не националь-

ных, а интернациональных команд, – рассказывает один из организаторов мероприятия Владислав Шурыгин. – Происходило это следующим образом: в назначенный день команды прибыли к месту проведения соревнований на базу отдыха «Голубые озера», затем их составы перемешали, переодели в форму времен Великой Отечественной войны. В результате мы получили команды, в составе которых присутствовало по одному представителю от каждой страны-участницы.

Такой способ проведения сбора был выбран не случайно. Во-первых, соревнования проходили во время празднования 65-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, поэтому организаторы мероприятия попытались воссоздать в уменьшенном масштабе некое подобие подразделения Советской армии того периода. Участники команд не просто взаимодействовали в новом незнакомом коллективе, но и учились выстраивать товарищеские отношения. А во-вторых, и это, пожалуй, самая главная причина, ребята поняли, что только вместе и сообща, не обращая внимания на национальность, можно достичь наивысших результатов. Такую инициативу не только поддержали, но и восприняли с энтузиазмом все участники сбора.

– Когда я узнал, что мы будем состязаться в сборных командах, то сначала даже немного испугался, – признается Андрей Бевзенко, представитель военно-патриотического клуба «Георгий Победоносец» из Одессы. – Но потом понял, что эта идея стоящая: на соревнованиях я смог узнать много нового и интересного о ребятах из других стран, об их традициях, обычаях, истории. Но самое главное – мы смогли подружиться, а после постарались переписываться, созваниваться. И может, когда-нибудь снова встретимся.

Идея проведения «Союза» – результат объединения единомышленников из нескольких республик бывшего СССР. Затем к ним стали присоединяться люди, понимающие актуальность мероприятия, по мере возможностей оказывая помощь и поддержку. Со временем удалось выйти на высокий уровень – заручиться поддержкой Министерства иностранных дел и Россотрудничества. И все же

следует подчеркнуть: мероприятие было организовано не сверху, а снизу – инициатива исходила от простых граждан. Почему так получилось?

Оргкомитет «Союза» заранее предвидел сложности с приездом ребят из Грузии. Организаторы обратились к грузинской диаспоре в Москве.

...спустя почти двадцать лет после распада Советского Союза молодежь разных народов снова объединилась под знаменем интернационализма.

– Мы, старшее поколение, помним добрые отношения между народами, знаем, что они необходимы, и стараемся восстановить это через работу с молодежью. Не только в России, но и на межреспубликанском, межгосударственном уровне, – отвечает на этот вопрос Владислав Шурыгин.

Непростой путь к объединению

Правда, эту идею разделяют не все. Например, представители стран Прибалтики откликнулись на предложение принять участие в сборе. Однако власти ряда этих стран запрещали ребятам-участникам надевать форму времен Второй мировой войны, так как на ней присутствуют элементы советской символики, использование которой влечет за собой уголовное преследование. Более того, всех участников «Союза-2010» власти пообещали поставить на особый учет спецслужб.

В столице России есть национальные учебные заведения, и поэтому собрать грузинскую команду представлялось вполне выполнимой задачей. Но представители диаспоры выступили против участия детей в сборе. В результате среди национальных флагов команд грузинского не было.

И речь не только о Прибалтике или Грузии. Даже в России на местечковом уровне порой возникают проблемы.

– Команда из города Железнодорожного, к примеру, обратилась за поддержкой к местному отделению одной из парламентских партий, – рассказывают организаторы мероприятия. – И знаете, что им там ответили? «Ну, мы можем дать вам наши флаги и футболки. Только вы их верните потом»... То, что мы сегодня здесь имеем, это все происходит в основном на деньги различных частных спонсоров. Хотя бывают и положительные примеры. Администрация Великолукского района Псковской области совершенно бесплатно предоставила нам санаторий, обеспечила ребят питанием, да и в процессе поддерживала нас по мере своих возможностей.

– Все, что мы делаем, это не ради какой-то выгоды.

Мы все здесь тру-

От старания каждого зависит общий результат команды

димся за идею. И мне больно, что многие светлые начинания советской поры сейчас похоронены, – делится своими мыслями председатель Регионального общественного движения поддержки защитников Родины «Доблесть Отечества» Олег Баканач – основной идеолог и инициатор «Союза». – Посмотрите на этих детей – они живут другими принципами, у них другое мировоззрение. Но именно мы должны им передать все то хорошее, светлое, чем раньше жили сами, что нас объединяло.

В разговоре Олег Васильевич не скрывает эмоций – видно, что проблему воспитания молодежи он воспринимает как личную.

– Раньше «Союз» проходил под эгидой ОДКБ. В этот раз мы решили пойти дальше. Обратились с предложением в Министерство иностранных дел России. Нам многие говорили: «Да зачем вам это нужно», «Никто это

не подпишет» и так далее. И действительно, письмо с нашей просьбой больше месяца пришлось искать по различным департаментам. Когда же нашли и смогли рассказать о нашей идее Сергею Викторовичу Лаврову, то он, ни минуты не раздумывая, сразу же расписал его соответствующим отделам. И постоянно интересовался результатами в процессе подготовки сбора.

Мальчишки и... девчонки

В ходе проведения «Союза-2010» приоритет был отдан тактической подготовке и военно-прикладным видам спорта. Опытные инструкторы учили ребят отрывать окопы для стрельбы из разных положений, устанавливать палатки, технике плавания на байдарке, познакомили с основами рукопашного боя. В программе были даже такие экзотические упражнения, как схождение с крыши по стене по веревке. Но больше всего

участникам сбора понравились действия группы в наступлении. Ребята на собственном опыте ощутили не столько сложность выполнения различных задач в боевой обстановке, сколько силу командного духа и важность чувства товарищества.

Другим видом соревнований стали силовые упражнения. На стадионе участники соревновались безо всяких скидок на разницу в возрасте – требования были ко всем едины. Причем это касалось не только юношей, но и девушек, коих в командах оказалось немало.

Вот по команде «К снаряду!» на перекладину запрыгивает миниатюрная девушка и начинает выполнять упражнение по подтягиванию. Она старается ни в чем не отставать от парней. Судье остается только фиксировать количество выполнений. Это и все остальные упражнения юная участница выполняет не хуже коллег мужского пола.

Досье «ВГ»

Международный молодежный сбор военно-спортивных организаций «Союз» впервые был проведен в 2007 году под эгидой ОДКБ в рамках программы патриотического воспитания молодежи. В 2010 году организаторами «Союза» выступили Министерство иностранных дел и Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество).

В сборе «Союз-2010» приняли участие команды из Латвии, Эстонии, Беларуси, Украины, Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана, Приднестровья и России. Программа сбора включала соревнования военно-спортивной направленности: комплексы силовых упражнений, преодоление полосы препятствий, кросс в составе команд, оказание помощи раненому, пейнтбол, военно-тактическая игра и т.д.

Зовут девушку Рузанна Агамалян. Она представляет Ногинский кадетский корпус.

– Наш кадетский корпус создан на базе школы, – рассказывает Рузанна. – Желание стать кадетом, одеть алые погоны у меня возникло, когда я увидела ребят, которые учились в корпусе. Они сильно отличались от своих сверстников. Прежде всего дисциплиной, выправкой. Кроме того, они постоянно ездили на различные соревнования. Тогда я подумала: чем я хуже! Однако родители не хотели меня туда отдавать. Но я понимала, что это – мое. Теперь хочу связать свою дальнейшую судьбу с военной службой.

На сборах Рузанна стала самой настоящей звездой. О ней знал и говорил каждый участник. Когда она выходила на очередной этап соревнований, за нее болели даже судьи. Но так было не всегда. Родившись в Армении, Рузанна живет в России – в свое время ее родителям из-за от-

сутствия на родине работы пришлось переехать в Российскую Федерацию. На новом месте Агамалян пришлось довольно трудно.

– Некоторые люди много неприятных слов говорили, – вспоминает она. – Но я на них не обижаюсь. Это ведь не они виноваты в том, что такая обстановка сложилась. Вспомните войну в Афганистане. Там ведь в бой шли вместе и русский, и чеченец, и азербайджанец. И называли друг друга братьями. Готовы были ради товарища пожертвовать своей жизнью.

Дипломатия для каждого – дипломатия для всех

Заключительным этапом сбора «Союз-2010» стала дипломатическая игра, которая, к удивлению организаторов, в процессе ее проведения приобрела очень даже серьезный вид. Ребятам раздали анкеты, где

им было предложено ответить на вопросы, связанные с их личным отношением к сбору, и поразмышлять на тему будущего стран бывшего Советского Союза. Такое импровизированное исследование неожиданно показало, что практически все участники не просто желают союза стран бывшего СССР, но и имеют свое собственное видение проблемы.

Дипломатическая игра – единственное за все время сбора мероприятие, где ребята принимали участие в составах национальных команд.

В конце игры участники разработали и подписали текст обращения, который дипломатическим путем предполагалось доставлять главам государств – участников «Союза-2010». Будет ли у этой истории продолжение, покажет время... ■

Фото Т. САБЛИНА

Прошло всего два дня соревнований, а ребята уже ведут себя так, словно давно знакомы

Мой дед, увы, не родной, сколько его ни просили, никогда не рассказывал о войне. Это удивляло, ведь все знали, что он - кадровый пограничник - встретил войну в звании капитана. Более того, в ночь с 21 на 22 июня 1941 года капитан Дмитрий Аврамчук был оперативным дежурным Августовского пограничного отряда. А затем прошел всю войну, с первого дня до последнего.

После войны долгое время служил на Западной Украине. За годы службы Дмитрий Сергеевич награжден десятью боевыми орденами, в том числе тремя (!) - Красной Звезды, тринадцатью медалями, а также иностранными орденами и медалями Польши и Чехословакии.

Лишь спустя годы выяснилось, что Дмитрий Сергеевич оставил после себя воспоминания о тех трудностях и страшных днях. В них нет батальных сцен и ярких эпизодов, а только сухая правда человека, ставшего не только свидетелем, но и подлинным творцом истории Великой Победы.

Алексей ТОПИН

Утром 21 июня 1941 года я заступил дежурным по отряду. Все шло как обычно, тревожных сигналов с границы не поступало. В два часа дня в отряд прибыли начальник Главного управления погранвойск НКВД СССР генерал-лейтенант Соколов и начальник погранвойск Белорусского округа генерал-лейтенант Богданов. Я доложил Соколову, что за время моего дежурства происшествий не произошло, а также о том, что начальник отряда и начальник штаба на обеде.

Соколов спросил меня, где расположены штабные подразделения. Я доложил, что все подразделения разбросаны по городу Августову, так как военный городок отряда только начали строить. Перечислил все штабные подразделения и где они находятся по адресам: маневренная группа, автозвод, рота связи, саперный взвод, кавзвод и комендантский взвод. Соколов предложил: «Давайте пройдем в мангруппу, в школу младших командиров».

До мангруппы было около двух километров. По прибытии генералы

проверили порядок в казарме и ход занятий. Им все понравилось. Соколов сказал начальнику мангруппы, что доволен порядком и пожелал успехов в работе.

После проверки подразделения начальник Главного управления приказал собрать весь офицерский состав управления отряда и подразделений для совещания. Первым с докладом выступил начальник штаба отряда капитан Янчук. Он доложил, что обстановка на границе тревожная: днем немецкие самолеты нарушают границу, множество германских солдат ведут усиленное наблюдение за нашей стороной.

За последнее время были переброшены на советскую территорию три диверсионные группы по 15–20 человек, состоявшие из поляков и белорусов. Задержанные показали, что немцы готовятся к войне... Диверсанты имели задание с началом боевых действий выводить из строя каналы связи, поднимать панику среди населения, совершать диверсии, убийства советских работников, взрывать мосты. С наступлением

СВИДЕТЕЛЬ ИСТОРИИ

темноты на германской стороне слышен непрерывный шум моторов танков, тракторов, грохот колес конных повозок.

Когда капитан Янчук закончил доклад, генерал Соколов спросил начальника отряда, майора Здорного, что он может добавить и согласен ли с докладом Янчука. Здорный заявил, что с докладом Янчука полностью согласен.

Двенадцать часов держались герои, отражая натиск неприятеля, поддерживаемого танками и артиллерией, и отступили только по приказу коменданта 1-й комендатуры капитана Кириченко

В отряде на случай войны было сделано многое. На всех заставах и комендатурах были вырыты траншеи для круговой обороны. Для отражения авианалетов установлены зенитные пулеметы, оборудованы наблюдательные пункты, с которых велось наблюдение за сопредельной стороной, граница усиленно охранялась. Старые винтовки были частично заменены на новые – автоматические, системы Симонова. Кроме того, регулярно проводились занятия по боевой и политической подготовке, были повышены требования к воинской дисциплине и службе, составлен план действий на случай начала боевых действий. А в том, что война вот-вот постучится в двери грохотом разрывов, пограничники были уверены. Вопрос заключался только в том, когда она будет развязана.

В 18 часов 21 июня 1941 года генерал-лейтенанты Соколов и Богданов и начальник отряда майор Здорный на легковой машине выехали на левый фланг охраняемого участка, в местечко Граево, где дислоцировалась 5-я комендатура. Там же квартировали подразделения армейского кавалерийского корпуса. На участке 5-й комендатуры было спокойно, в этот день тревожных сигналов с границы не поступало.

Глубокой ночью я вышел из дежурной комнаты во двор штаба и заметил, что большие группы самолетов летят в нашу сторону. Со стороны границы слышалась артиллерийская стрельба. От штаба отряда до границы было всего четыре километра. Я позвонил на квартиру капитану Янчуку и доложил о происходящем. Он немедленно прибыл в штаб. Получилось так, что из руководства от-

ряда именно он оказался на месте. На охраняемый участок выехал и замполит батальонный комиссар Герасименко. Он находился на 2-й комендатуре в Липске.

Капитан Янчук дал мне указание дозвониться до всех подразделений и передать распоряжение о приведении подразделений в боевую готовность. В ту же ночь семьи офицерского состава управления отряда и подраз-

делений были эвакуированы на автомашинах в город Белосток. Там их посадили в товарные вагоны и отправили на восток. Эвакуацией занимались учитель русского языка Кругликов и командир комендантского взвода Прохоренко.

На рассвете 22 июня по приказанию капитана Янчука все подразделения гарнизона были сосредоточены на площади, где начали строить городок для погранотряда. В случае развертывания боевых действий им предстояло встречать противника совместно с армейскими частями. Но в это время стрелковый полк, который дислоцировался в Августове, после бомбежки немецкой авиации начал выходить из города для занятия оборонительных позиций. Они находились западнее Августова, примерно в 5–10 км от города. Капитан Янчук переговорил по телефону с командиром стрелкового полка, после этого отдал приказание всем офицерам управления и подразделениям отойти в район села Штабин.

Примерно к двенадцати часам дня управление отряда и штабные подразделения, каввзвод, автомобильный и конный транспорт были сосредоточены в указанном районе и приняли меры маскировки. В этот же район к исходу дня начали прибывать заставы 2-й и 3-й комендатур, которые вышли из боя с противником. Сосредоточилось 350–400 человек рядового, сержантского и офицерского состава. Туда же прибыл батальонный комиссар Герасименко и комендант 2-й комендатуры капитан Мягкий.

Ближе к вечеру в район Штабина прибыл начальник отряда майор

Здорный и генералы Соколов и Богданов. Начальник Главного управления погранвойск дал указание начальнику отряда отвести личный состав в район Минска, а если это не удастся, то присоединиться к частям РККА и вести боевые действия во взаимодействии с ними. Затем генералы уехали в Белосток.

Начальник отряда майор Здорный рассказывал так о событиях первого дня войны:

– В четыре часа утра немецкие войска открыли артиллерийский огонь по всему участку границы и перешли в наступление на Граево, где дислоцировался кавалерийский казачий корпус. Казаки вступили в бой. Коменданту 5-й комендатуры капитану Зубкову были даны указания действовать совместно с частями Красной армии. Мы (Здорный, Соколов, Богданов. – *Прим. авт.*) сразу выехали в Августов по дороге, которая шла вдоль границы. Доехали до 4-й комендатуры, располагавшейся в населенном пункте Райгруд. Комендант участка капитан Шерендак доложил, что все заставы ведут боевые действия, а резервная застава и личный состав комендатуры заняли оборону согласно плану боевого применения. Кроме того, он доложил, что дорога на Августов перерезана немецкими войсками и ехать по ней опасно. Мы взяли в комендатуре полуторку и поехали проселочными дорогами. Доехали до Штабина только к концу дня, так как приходилось делать многокилометровые объезды из-за плохих дорог.

Первый день войны для личного состава погранотряда выдался очень тяжелым. Все заставы и комендатуры вели тяжелые бои с противником, отбивая атаки танков и пехоты, нанося ему тяжелые потери в живой силе и технике. Осложняло ситуацию то, что связь с комендатурами и заставами была нарушена. Из штаба отряда на заставы и комендатуры убыли связные – пешие, конные, на автомашинах. Не оставались попытки использовать радиоканалы, но удалось установить связь только с некоторыми подразделениями. Однако и она постоянно прерывалась. Картина происходящего представляла отрывочной, но все же было очевидно, что противник ввел в бой крупные силы. Только через участок Августовского погранотряда рину-

лись две немецкие дивизии. На пограничные заставы при поддержке авиации и артиллерии обрушилась лавина пехоты и танков.

Враг рассчитывал смять их в самом начале боя, но советские пограничники сорвали замысел врага. Бывший командующий 3-й танковой группой генерал-полковник Г. Гот впоследствии вынужден был признать: «Обе дивизии 5-го армейского корпуса сразу же после перехода границы натолкнулись на окопавшееся охранение противника, которое, несмотря на отсутствие артиллерийской поддержки, удерживало свои позиции до последнего».

Ожесточенный бой разгорелся на 1-й заставе, которой командовал старший лейтенант Н. Сивачев. После артиллерийского и минометного обстрела заставы фашисты бросились в атаку. Заняв места в оборудованных для обороны траншеях, пограничники открыли дружный огонь из пулеметов и винтовок. Наступающие цепи противника вынуждены были повернуть назад, понеся большие потери. Двенадцать часов держались герои, отражая натиск неприятеля, поддерживаемого танками и артиллерией, и отступили только по приказу коменданта 1-й комендатуры капитана Кириченко.

В бессмертие вошел подвиг 3-й заставы, возглавляемой лейтенантом В. Усовым. Пограничники весь день вели упорные бои с пехотным батальоном противника, который поддерживался танками и артиллерией, отбили семь атак врага. И лишь тогда,

когда у советских воинов кончились патроны и гранаты, они перешли в рукопашную схватку, в ходе нее Усов погиб. Только после этого застава вынуждена была оставить траншеи и по приказу коменданта отступить.

Геройски оборонялись и остальные подразделения границы отряда. Почти до вечера дрались с превосходящими силами противника бойцы и сержанты 4-й заставы под командованием старшего лейтенанта Ф. Кириченко. Шесть атак отбили пограничники 5-й заставы во главе с лейтенантом А. Морозовым. В 15 часов застава получила приказ отойти.

Особо ожесточенные бои велись на участке 7-й заставы, которой командовал старший лейтенант А. Шацкий. За несколько дней до нападения на СССР с наступлением темноты на германской стороне был слышен непрерывный шум моторов танков. 21 июня днем группа немецких солдат с опушки леса вела наблюдение за нашей стороной. В ночь с 21 на 22 июня участок 7-й заставы усиленно охранялся. В сторону границы была выслана разведка во главе с замполитруком Шамшиным. Вернувшись из разведки в 5 час. 30 мин., Шамшин доложил, что немецкая артиллерия и минометы ведут огонь по заставе из района 62-го, 63-го и 65-го погранстолбов и опушки леса. Там же наблюдается большое скопление немецких войск.

– Все данные разведки, мои личные наблюдения как начальника заставы, – заявил Шацкий, – говорили о том, что все происходящее мало по-

ходило на провокацию. Это была самая настоящая война. Оценив обстановку, я принял решение на оборону заставы. Всему личному составу был отдан приказ драться до последнего. После артиллерийской подготовки фашисты в количестве около 600 человек перешли в наступление на заставу.

Пограничники встретили их огнем из станковых и ручных пулеметов. Потеряв около 100 человек убитыми, немцы откатились на исходное положение.

11-ю заставу, возглавляемую поллитруком П. Мамоновым, противник обстреливал артогнем более 45 минут. Затем в атаку перешла поддерживаемая танками вражеская пехота. В самый разгар боя загорелся склад с боеприпасами. Повар Блинов, несмотря на ранение, бросился в огонь, вытащил несколько ящиков с гранатами и доставил их в окопы. Более 4 часов оборонялось подразделение и уничтожило более 80 солдат и офицеров противника.

О ситуации на участке 20-й заставы рассказал красноармеец Н. Митронин:

– В 4.00 была нарушена граница тремя немецкими самолетами, а затем противник произвел несколько артиллерийских выстрелов по заставе и до батальона пехоты перешло в наступление в направлении пограничной заставы. Заняв огневые точки, пограничники вступили в бой. Но под воздействием во много раз превосходящих сил противника мы вынуждены были отойти. Несмотря на непродолжительность нашего сопротивления, на участке заставы враг понес значительный урон в живой силе.

2-я резервная застава, которой командовал лейтенант Винокуров, и 2-я комендатура капитана Мягкого были приведены в полную боевую готовность еще за 2–3 дня до начала войны. 22 июня, когда немецкие войска подвергли артиллерийскому обстрелу линию госграницы 2-й комендатуры, заставе было приказано выйти на поддержку штабу комендатуры. В 9.00 застава прибыла в Липск. Помещение комендатуры уже горело. Высланная в направлении шоссе Августов – Гродно разведка доложила, что дорога перерезана и по ней в сторону Гродно движутся немецкие танки и пехота. Одновре-

менно противник повел наступление на Липск. По приказу батальонного комиссара Герасименко, который находился в комендатуре, резервная застава вместе с другими подразделениями заняла оборону на шоссе с целью не дать противнику возможности продвигаться по этой дороге на город Домбров.

До 21.00 22 июня комендатура упорно обороняла шоссе на Домбров. Враг, несмотря на упорство своего наступления, не продвинулся ни на шаг вперед, понеся большие потери в технике и живой силе. Разведка сообщила, что противник, наступающий со стороны Августова, далеко углубился в тыл и движется по направлению к городу Гродно. По приказу капитана Мягкого заставы комендатуры отошли и через десять часов присоединились к остаткам погранотряда, направлявшимся в район сосредоточения в Штабин.

В районе Штабина сосредоточились управление отряда и штабные подразделения, в том числе кавзвод в составе 40 человек, которым командовал лейтенант Челадзе, отступившие с границы после боевых действий заставы, солдаты и офицеры комендатур. Всего – 350–400 человек. По распоряжению начальника отряда майора Здорного и согласно указаниям штаба погранокруга в ночь с 22 на 23 июня все эти подразделения в пешем порядке двинулись на восток. Машин было всего пять, плюс пять или шесть конных повозок, на которых ехали больные и раненые. Те автома-

шины, на которых осуществлялась эвакуация семей офицеров, из Белостока обратно так и не вернулись.

Начальник отряда майор Здорный, замполит батальонный комиссар Герасименко, начальник штаба Янчук, часть офицеров управления отряда и рота связи 23 июня оставались в районе сосредоточения с целью поддержания радиосвязи со штабом погранокруга и сбора оставшихся подразделений, которые прибывали с границы разрозненными группами. После выполнения этой задачи они догнали основную колонну. Это случилось 24 июня в районе Волковыска.

Подразделения, которые были сосредоточены в районе Штабина и отведены после боевых действий с границы, отходили на восток тремя колоннами. Одну возглавил я. Еще две колонны шли под руководством комендантов погранучастков. Связи с ними не было, и больше я с ними не встречался.

Дальнейшая судьба руководства отряда сложилась по-разному. Янчук в Москве сдал знамя отряда и был направлен в Среднюю Азию на должность начальника штаба погранотряда. В войне он участия больше не принимал. Герасименко получил назначение в 4-ю дивизию внутренних войск, которая в это время дислоцировалась на Кавказе, в городе Грозном. В войну я встречался с ним два раза под Тулой, он служил в той же дивизии. Соединение несло службу по охране тыла Западного фронта.

Начальник отряда майор Здорный из Волковыска уехал на своей машине на восток. Где он присоединился к колонне, мне не известно, но из Москвы был направлен в управление охраны тыла Калининского фронта.

Когда моя колонна дошла до Слонима и Волковыска, там уже скопилось большое количество мирного населения и войск Красной армии. В результате налета немецкой авиации поднялась паника. Моя же колонна продолжала идти на восток. В лесу мы встретились с большой группой отступающих частей и подразделений 3-й армии, которой командовал генерал-лейтенант Кузнецов.

Колонна двигалась только в ночное время, так как днем немецкая авиация часто наносила удары с воздуха. В дневное время по указанию командарма наши подразделения вели разведку противника. Недели через полторы мы вышли к городу Гомелю, где встретились с частями РККА, которые занимали оборону.

Войска армии, в том числе и пограничные подразделения, рядовой и сержантский состав, усилили части, которые занимали оборону. Офицеры-пограничники под моим руководством были отправлены в район Смоленска, в штаб охраны тыла. Вместе со мной туда убыли начальник 4-го отделения штаба отряда капитан Догадов, комендант 2-й комендатуры капитан Мягкий, старший лейтенант Кругликов и еще восемь – десять офицеров в звании лейтенантов и старших лейтенантов.

Я был назначен начальником штаба вновь формируемого в городе Юхнове 252-го погранполка. Позднее стал его командиром. Впоследствии полк стал называться 88-м пограничным, получил наименование «Карпатский», был награжден орденом Красной Звезды. Мне довелось участвовать в обороне Москвы, освобождении Карпат, Польши, Чехословакии, в борьбе с националистическими бандами на белорусской и украинской земле, охранять нефтяные месторождения в Румынии и т.д. Но первые тяжелые дни войны я всегда считал самым трудным испытанием в моей жизни. ■

Фото из архива Центрального пограничного музея ФСБ России

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ НЕБУ

Юрий МИРОШНИЧЕНКО

БОЛЕЕ Сорока лет отдал небу полковник авиации Юрий Мирошниченко. Совершив свой первый самостоятельный полет в 1959 году, заслуженный военный летчик России, кавалер ордена Красной Звезды, Юрий Александрович остается верен раз и навсегда выбранной профессии.

О том, что моя жизнь будет связана с небом, я не сомневался никогда. Хотя изначально судьба не давала для этого никаких надежд, поскольку я относился к поколению, взрослевшему в непростые послевоенные годы. Родился я 10 сентября 1941 года на Украине, в городе Лебедине. В 1958-м окончил среднюю школу. Задолго до выпуска уже грезил о небе и всячески готовил себя к летной карьере – изучал математику, активно занимался спортом.

Едва окончив школу, я попрощался с родными и отправился поступать в Пугачевское летное училище. Вступительные экзамены выдержал успешно, и меня направили в Павлоград, где находилось училище первоначального обучения летчиков. Там впервые поднялся в воздух на самолете «Як-18А». Это неповторимое событие еще раз укрепило в правильности выбранного жизненного пути!

После окончания училища первоначального обучения меня направили в Кировоград, в военное авиационное училище, которое готовило летчиков фронтовой бомбардировочной авиации. Обучение проходил как будущий пилот самолета «Ил-28». Мы, курсанты, тщательно изучали матчасть, тактику, многочисленные инструкции и правила и уже грезил, как получим офицерские погоны и окажемся в кабинах бомбардировщиков. Но судьба вдруг совершила резкий разворот.

В 1960 году завершившим первый год обучения курсантам предстояло совершить первый полет на «Ил-28». Помню, вечером накануне полетов мы с волнением уже предвкушали, как поднимемся в небо. Однако утром полеты отменили. «Сверху» пришел приказ – мы попадали под сокращение по организационно-штатным мероприятиям. Это было время, когда Никита Сергеевич Хрущев решил сократить армию на 1 200 000 человек. В результате мы вернулись за парты, прослушали полный курс теории, после чего были уволены в запас. Обидно было до слез!

Итак, в июле 1960 года мне вновь пришлось стать гражданским человеком. Нужно было как-то устраиваться в жизни, но мечта о небе не покидала меня. Для начала попробовал поступить в Харьковский авиационный институт. Неудачно. Следующим шагом стало поступление в Харьковский радиотехнический техникум. Это мне удалось, однако несколько не приблизило к мечте.

Не смирившись, я стал строчить письма во все инстанции, надеясь, что меня возьмут в авиацию хоть в каком-то ка-

честве. Неожиданно пришел ответ... из Магадана. Тамошнее управление гражданского воздушного флота приглашало меня на должность диспетчера. Это было далеко от мечтаний о полетах, но все-таки ближе к небу! Не раздумывая ни секунды, я бросил обучение в техникуме и уехал на Дальний Восток. Шел 1961 год.

**Когда дошли до точки снижения, диспетчер связал меня с Кабулом и сказал:
— А дальше, дорогой, действуй сам.**

Там, в Магадане, на самом краю земли, я в полной мере осуществил свою мечту. Для начала мне удалось добиться разрешения пройти обучение на пилота самолета «Ан-2». Меня отправили в училище ГВФ и в сентябре 62-го я получил возможность подняться в небо. Пуск был и не реактивный бомбардировщик, а всего лишь трудяга-«кукурузник», но летал я на нем не во сне, а наяву! Летать довелось в 185-м отдельном авиаотряде вторым пилотом. Это была отличная практика – сложные погодные условия, трудные площадки на удаленных точках.

Казалось, теперь мне самой судьбой предназначено стать пилотом малой авиации. Но она вдруг совершила очередной замысловатый поворот. В 1963 году меня через военкомат вновь призвали на военную

службу. Но не в армейские ряды, а в Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР. Короче, в авиацию КГБ СССР. Сразу после зачисления на службу я получил назначение во Владивосток – вторым пилотом самолета «Ил-14». Так, достаточно неожиданно, я связал свою жизнь с пограничной авиацией.

В роли авиатора-пограничника довелось пройти множество служебных ступеней. Был летчиком-штурманом, затем командиром экипажа самолета «Ил-14», позже, после переучивания, командиром «Ан-24».

В 1976 году меня перевели в Душанбе. Сначала назначили командиром звена, затем – замкомандира Отдельной Марыйской авиаэскадрильи. Вновь прошел переучивание, освоил пилотирование вертолетов «М-4», «Ми-8» и самолета «Ми-26». Примечательно, как проходило это переучивание. Начальник авиационного отдела Главного управления пограничных войск Николай Алексеевич Рохлов дал мне на все про все один месяц! Приказ есть приказ, и уже спустя месяц я пилотировал «Ми-8».

Правда, в повседневной практике я по-прежнему был больше «само-

летчиком», нежели вертолетчиком. Управление вертолетом разительно отличается от самолетного, привыкнуть к нему непросто. Вдобавок в эскадрилье было множество первоклассных мастеров, которые пилотировали гораздо лучше меня. Поэтому я старался ограничиваться учебными полетами на винтокрылых машинах. С другой стороны, положение заместителя командира эскадрильи обязывало меня владеть всеми видами авиатехники. Поэтому я постоянно старался шлифовать свои навыки пилотирования.

Задачи в Душанбе приходилось решать самые разные. Помимо собственно охраны государственной границы, наша эскадрилья доставляла грузы как внутри страны, так и за рубеж, в частности в Афганистан. Так, примерно за год до ввода советских войск в эту центрально-азиатскую республику я впервые совершил вылет в Кабул.

Дело было так. В апреле 1979 года моему экипажу поступила команда готовиться к полету. Его конечной целью стала афганская столица. В состав экипажа помимо меня вошли майор Виктор Квасов, майор Василий Толстик, капитан Евгений Силин, прапорщики Владимир Резниченко и Валентин Беликов. Для подготовки был дан срок – неделя. Уже тогда возникли определенные трудности. Прежде всего, никто не знал английского

языка на уровне, необходимом для выполнения международного полета. Я изучал английский в университете, но тех знаний было крайне мало. «Летный» английский представлял собой сленг, совершенно отличный от обычного разговорного. Остальные члены экипажа не знали языка совсем.

Обратился за помощью в лётно-штурманский отдел Управления гражданской авиации Таджикистана. Начальник отдела – Староверов – пошел мне навстречу и первым делом выделил русско-английский лётный разговорник. Слева – текст на русском, справа – на английском. Кроме того, Староверов дал команду своим подчиненным оказывать мне любую помощь. В службе воздушного движения душанбинского аэропорта договорился о порядке пролета и связи. Мне помогли изучить маршрут, определили порядок действий экипажа. Затем вместе со штурманом и радистом я отправился в лётный отряд, где с нами провели соответствующие занятия. Там же получили «гражданские» документы, в том числе – полетное задание. Фактически мы превратились в «гражданский» экипаж.

В эскадрилье авиатехники Евгений Силин и Владимир Резниченко как следует подготовили мой самолет к вылету, проверили его, что называется, до последней заклепки.

Наступил день вылета. Подняв машину в воздух, мы взяли курс на юг. Под руководством диспетчера из Душанбе набрали эшелон, пересекли границу и... полетели дальше. При этом я не выпускал из рук англо-русский разговорник. Все было как в

комедии «Воздушное приключение», где немец летел через Ла-Манш, вцепившись в инструкцию.

Когда дошли до точки снижения, диспетчер связал меня с Кабулом и сказал:

– А дальше, дорогой, действуй сам. Мои права здесь заканчиваются. Ни пуха, ни пера!

Я «послал его к черту» и поблагодарил. Затем связался с Кабулом. Передал на английском информацию о воздушном судне. Как ни странно, диспетчер меня понял и в ответ дал условия для посадки. Условия точно совпали с теми, что были в инструкции. У меня прошло волнение, я визуально обнаружил аэродром и стал действовать точно по схеме посадки гражданских самолетов. Следуя указаниям диспетчера, зашел на полосу, приземлился, зарулил на указанную стоянку. Так я впервые оказался в Кабуле. В тот же день после разгрузки мы вылетели обратно – в Душанбе. Благодаря тщательной подготовке первый полет прошел без сучка и задоринки. За нашим экипажем последовал экипаж подполковника Сафиуллы Блинова из Бурундайского авиаполка. Позже по проторенной нами дорожке рейсы в Кабул стали регулярными.

Ближе к концу 1979 года обстановка в ДРА стала накаляться, количество вылетов в Кабул резко возросло. Особенно напряженной выдалась работа перед тем, как наши спецназовцы штурмом овладели дворцом Амина. Мы тогда почти неделю, что называется, не вылезали из самолетов. Разумеется, не знали: кого возим, что за грузы. Получали приказ и – вперед!

После свержения режима Амина интенсивность полетов в Кабул возросла еще больше. Наши самолеты возили советников и грузы, но полетные задания нам подписывал посол в Афганистане. Во время второго полета мне удалось осмотреть Кабул, побывать на зеленом базаре. Афганский народ тогда поразил доброжелательностью по отношению к нам, советским людям. По городу ходили свободно, без охраны. Разницы между Кабулом и, например, Душанбе не было никакой. Вообще, хочу отметить, что в первоначальный период войны афганцы большей частью были на нашей стороне. Позже обстановка на глазах стала меняться. К нам относились все хуже и хуже. Были случаи, когда по шурави применяли оружие даже в Кабуле, места нахождения советских граждан приходилось охранять с помощью многочисленной охраны и БТР.

Помимо полетов в Кабул, пограничная авиация постепенно стала использоваться в боевых действиях непосредственно на линии государственной границы. Первый экипаж, выполнявший боевой вылет на территорию Афганистана, был прикомандирован в Марыйскую авиаэскадрилью из Тбилиси. Запомнилось, что это было 30 декабря 1979 года. Экипаж тогда получил боевую задачу, вылетел с полным боекомплектом, но в последний момент поступила команда из Москвы прервать вылет и вернуться.

В апреле–мае 1980 года мне довелось руководить авиационной группой. На сопредельной стороне напротив участка Московского погранотряда проводилась операция. В ней было задействовано пять–шесть

вертолетов. Во время операции я летал с Владимиром Кутухиным. Этот командир был один из самых опытных пилотов. Он прошел всю афганскую кампанию. Что называется, начинал ее первым и закончил одним из последних.

Нужно отметить, что в начале войны у нас было очень плотное взаимодействие с афганскими правительственными силами. Помогали им материально, обучали, выполняли в их интересах санитарные рейсы, боевые вылеты. Они делились с нами информацией. Мы даже использовали афганцев в качестве авианаводчиков. Правда, после того, как выяснилось, что те пытаются использовать нас в своих межклановых разборках, такую практику пришлось прекратить.

В ходе той боевой операции экипажи в основном выполняли задачи по разведке сопредельной территории, а также по перевозке грузов в места дислокации пограничных подразделений, вводимых в районы Рустака, Янги-Калы, Чахи-Аба и так далее. Наиболее сложный участок был в районе Калай-Хумба. Там, в самом начале Куфабского ущелья, располагался пограничный гарнизон, рядом с которым почти невозможно было приземлиться. При посадке на ту площадку лопасти вертолета буквально касались окрестных скал. Тем не менее наши экипажи умудрялись приземляться и снабжать гарнизон!

Противодействия с земли поначалу почти не было. Поэтому весной обошлось без каких-либо происшествий. Однако уже осенью боевые действия приобрели масштабный характер. Тогда в полной мере пригодилась вся та работа по сбору разведанных, что была проведена в ходе весенней операции. Осенью мы потеряли первый вертолет. Была подбита машина Бориса Захарова. Никто не погиб, но экипаж получил ранения и травмы. Вертолет пришлось списать.

И все же, несмотря на сложности, потери в авиаэскадрилье на начальном этапе войны были минимальны. Этому способствовало то, что в Душанбе и Марах у нас было много отлично подготовленных экипажей, которые летали просто здорово! С восхищением вспоминаю командиров экипажей – Владимира Мусаева и Виктора Лазарева. Эти высокоподготовленные летчики чувствовали

себя в горах как дома! Да и остальные экипажи не отставали. Могли с грузом сесть на любые площадки, в том числе – на пределе возможностей машины. В любое время суток вылетали на санзадания.

Санзадания – особая глава истории Марыйской авиаэскадрильи. Сколько жизней спасли наши пилоты! Вспоминается один случай. Необходимо было срочно вылететь в Чахи-Аб за раненым. Оказалось, что пациент – сарбоз-афганец. Ранили его ночью, а в Чахи-Аб доставили только к часу дня. Жара в тот день стояла невыносимая. Сарбоза принесли на каких-то самодельных носилках, сбитых из досок. У него из автомата была прострелена грудь – сквозные ранения. Думали, что умрет. Но наш экипаж сумел оперативно доставить раненого афганца в госпиталь, там его прооперировали. Спустя некоторое время он оклемался, встал на ноги. Оказалось, что для организма афганцев, не избалованных лекарствами, наши антибиотики были панацеей от всех бед – спасали от любых болезней и ран. Ну и конечно же сыграла свою роль оперативная эвакуация в госпиталь.

В том же 1980-м я окончил Душанбинский государственный университет. Вскоре меня перевели в Москву старшим летчиком-инспектором самолетов «Ан-24» и «Ан-26». Незадолго до этого в авиацию пограничных войск поступила новая машина – «Ил-76». Я не мог упустить возможности освоить пилотирование этого новейшего самолета и в 1983 году достиг намеченной цели.

В 1985 году начинается новый этап моей дальневосточной биографии. На этот раз мне довелось служить на Камчатке начальником авиационного отдела Камчатского пограничного округа. Однако афганская эпопея для меня не закончилась.

В Афганистане мне довелось побывать еще не раз. К 1985 году ситуация там серьезно изменилась. Когда боевые действия приобрели интенсивный характер, схема захода на посадку в кабульском аэропорту была полностью изменена. Посадка и взлет разрешались только в пределах аэродрома. Это было непростой задачей, требовавшей от экипажа очень большого мастерства. Да и перегрузки на технику, экипаж и пассажиров выпадали куда более серьезные.

Несмотря на все наши старания, угроза быть сбитым сохранялась во время каждого полета над Афганистаном. После выполнения одного из вылетов обнаружилось, что мой самолет был обстрелян с земли. Но мы об этом узнали лишь после посадки в Ташкенте. Бортинженер Ушаков доложил, что прострелен обогревательный канал двигателя. Мы во время полета ни обстрела, ни повреждения даже не заметили. Однако если бы противник стрелял точнее, у моего экипажа могли быть серьезные проблемы.

За годы войны мне довелось перевезти огромное количество людей и грузов. Примечательно, что и после вывода войск я продолжил летать в Афганистан на «Ил-76». Эти полеты проходили по линии КГБ СССР. Последний такой мой вылет произошел уже спустя два года после вывода наших войск. Туда возили грузы для советского посольства и представительства КГБ в ДРА, обратно – дипломатических сотрудников и материальные ценности. Тогда как раз проходило сокращение численности сотрудников посольства. Кроме того, доставляли национальному банку ДРА афганские деньги – их печатали в Советском Союзе. Крайний мой вылет в Кабул состоялся в 1992-м, незадолго до того, как он пал под натиском моджахедов.

Между тем моя летная карьера продолжала совершать крутые повороты и замысловатые виражи. В мае 1989 года я был переведен в Москву на должность старшего летчика-инспектора. В 1996 году мне было присвоено звание «Заслуженный военный летчик России». В дальнейшем довелось послужить в должности заместителя начальника отдела боевой и летно-методической подготовки Департамента авиации ФПС России. На этой должности я прослужил до 2000 года. Военную службу закончил в 2001 году в звании полковника.

Оглядываясь в прошлое, могу сказать, что не жалею о жизненном выборе, сделанном в юности. Мне посчастливилось летать в одном воздушном строю с замечательными людьми, выполнять уникальные задания, а главное, служить великой цели – охране рубежей своей Родины! ■

Записал Андрей МУСАЛОВ

ДВЕ ВОЙНЫ АЛЕКСАНДРА КУЗНЕЦОВА

Андрей КАЛИЙ

Пограничник Александр Кузнецов прошел две войны. Первая - Великая Отечественная - закончилась для него утром 9 мая 1945 года. Вторая - война с бандитским подпольем на Западной Украине - затянулась на долгие восемь лет.

В тылу

То летнее утро ничем особенным не отличалось. Едва только подернулся первыми красками зари восток, запели петухи на одном конце села, потом на другом. Петушиный перепев разбудил жителей. Заскрипели немазаные калитки, захлопали тяжелые дубовые двери, зашлепали по вытертым полам босые ноги.

Пятнадцатилетний Александр Кузнецов спал в летней мазанке. В ней было прохладнее, чем в избе. Его разбудили доносившиеся с улицы громкие мужские голоса. Александр протер глаза, спрыгнул с лежанки и выглянул на улицу. Возле соседского забора трое незнакомых мужиков что-то громко и эмоционально обсуждали. Вышел на улицу и увидел, как старшая сестра Варвара бежит к дому.

– Варь, что случилось?

– Ой, господи, да война же началась! С германцем снова воюем, – со слезами на глазах ответила она.

– А брат, что брат-то не написал? – вдогонку спросил ее Александр.

Все эти нерадостные новости взволновали душу Кузнецова. Весть о войне нарушила привычный лет-

ний крестьянский быт. Из правления колхоза пришел отец. Сел на порожек, позвал сына, ласково потрепал его волосы. Из избы вышла мачеха, старясь сдерживать слезы, обняла отца. Тот твердо, но не грубо убрал ее руки, потом перещеловал всех домашних, взял чемодан и сел на подводу. Заскрипела старая конная подвода, увозя отца на станцию, а потом на войну.

Потянулись серые и унылые будни. Работать приходилось много – мужиков не хватало. С большим хозяйством управлялись подростки и женщины. Скупые вести с фронтов от близких и родных дополняли сухие сообщения Совинформбюро. Тем, кто находился в тылу, оставалось только верить, что судьба пощадит близких в бою. Но война брала свое сполна. Очень скоро стали привычны завывания баб, получивших похоронки. Черствее стало восприниматься чужое горе. Не минула горькая чаша и семью Александра – сначала почтальон принес похоронку на старшего брата, потом с Ленинградского фронта привезли сильно больного отца. Жить стало совсем трудно.

Но были радости. Неожиданно нашелся брат. Оказывается, в бою под Житомиром он был ранен, попал к партизанам. Воевал вместе с ними, а затем, с приходом Красной армии, вернулся в свою часть. Вскоре поправился отец, от его болезни не осталось и следа.

В ноябре 1944 года и Александр получил на руки небольшой серого цвета лист казенной бумаги, в которой предписывалось ему прибыть в районный военкомат. Кузнецов собрался быстро. И вот уже отец обнимает его и так же, как три года назад, треплет его за волосы. Слезы на глазах сестер и мачехи и все тот же скрип конной подводы – прощай, юность!

Фронт за линией фронта

Серьезный и кряжистый сержант мерно выхаживал перед строем и проводил последний короткий инструктаж перед учебными стрельбами. Сержант не гнулся под порывистым, сырым ветром, не обращал внимания на холод, держался прямо и бодро. Его внимательно слушали зябнувшие от холода новобранцы противотанкового взвода отдельной бригады НКВД. В этом сером, не по размеру одетом строю стоял и Александр Кузнецов. Он был назначен вторым номером в расчет противотанкового ружья. Слушая инструктаж, Александр вспоминал советы первого номера своего расчета Дмитрия Покалюка: как прилечь к прикладу ПТР, чтобы не так больно было от отдачи, как правильно прицеливаться и куда стрелять, чтобы подбить танк. Прозвучала команда:

– На огневой рубеж бего-о-ом, марш!

Руки были как ватные, холодная вода затекала под шинель и холодила ноги. От излишнего напряжения

Александр пропустил команду на открытие огня. Но потом исправился и закончил стрельбу одним из первых, поразив все цели. ПТР бил сильно и больно прикладом в плечо. После стрельбы Александр осторожно ощупывал ноющее болью плечо, испуганно полагая, что отдачей ему сломало ключицу. Опытный первый номер, Дмитрий Покалюк, успокоил молодого бойца: все пройдет.

А потом был фронт. Наша армия рвалась на запад, в логово фашистского зверя. А между тем в тылу у нее оставались недобитые враги. Они сколачивались в банды и со звериной ненавистью расправлялись с мирными жителями, наносили удары в спину советским бойцам.

Народ в батальоне Кузнецова в основном был опытный, обстрелянный. Его бойцы «работали» по оперативным данным разведчиков, оперов. Задачи выполняли большей частью по ночам. Поначалу банды были многочисленными, их было легко находить. Однако вскоре они стали разбиваться на более мелкие группы.

В конце апреля 45-го от оперативников пришла ориентировка о том, что крупная банда пытается уйти в Чехословакию, и дальше – на Запад. Бандиты были опытные, а главное, вооружены до зубов. Среди них имелись саперы и снайперы. Батальон НКВД начал преследование. Идти приходилось по горным лесам, скользким камням, опасным тропам, через быстрые, глубокие реки. С ожесточенными боями рдеющая банда упрямо старалась уйти в отрыв. Однако батальон ни на мгновение не выпускал ее из виду. Последняя отчаявшаяся кучка недобитков спряталась на одном из многочисленных лесных хуторов, где их и блокировали. Командир принял решение немного передохнуть от утомительного перехода, а утром уничтожить противника.

Ночью, после третьей смены часовых, все пространство наполнилось громом вы-

стрелов из автоматов, пулеметов, винтовок. Алексей вскочил на ноги. Что случилось: банда пошла на прорыв и наткнулась на боевое охранение? Кузнецов и его товарищи быстро заняли позиции согласно боевому расчету. Командир взвода отдал приказ не снижать бдительности, а сам отправился к соседям узнать причину стрельбы. Вернувшись, он неожиданно подал команду: «Становись!» Недоуменно поглядывая на своего командира, бойцы занимали свои места в строю. Взводный взволнованно расстегнул ворот гимнастерки.

– Товарищи, – чуть не плача от радости, сказал он, – дорогие мои, Победа! Фашисты сдались! Ура, товарищи!

Опушка леса потонула в радостных криках и выстрелах. А утром 9 мая 1945 года батальон НКВД вступил в бой. После короткой, но ожесточенной схватки банда была уничтожена. Но и троих бойцов батальона не досчитались. На душе у Алексея было горько.

Другая война

Отгрохотали залпы салютов, отзвучали поздравительные речи, отзвенели граненые стаканы под бравые победные тосты. Казалось, что вот так просто, в одночасье приходит мир на истерзанную четырехлетней войной землю. Но...

Новый боевой приказ, который зачитали батальону, отрезвил и вернул людей в суровую действительность. Александру Кузнецову вместе с однополчанами предстояло сменить место дислокации и вернуться в мрачные и нелюдимые леса Западной Украины. В них война продолжалась.

Банды националистов шли укрываемыми лесными тропами, прятались в подземных схронах, скрывались от справедливого возмездия. Эта была другая война, не такая, какую вели на фронтах Великой Отечественной. Эта война приходила из лесной глуши по ночам, как вор, как волчья стая, и не уходила обратно, пока не

упивалась кровью ни в чем не повинных людей. Вот эту самую войну и надо было прикончить солдатам двух бригад НКВД, переброшенных на Западную Украину.

...Пройдя тридцать километров пешком, батальон, в котором служил Кузнецов, прибыл в расположение части. Командиры рассудили, что негоже солдату армии-победительнице являться в затасканном походной жизнью виде. Бравым советским воинам полагается стоять на строевом плацу чистыми, выглаженными, в сиянии орденов, медалей и улыбок. Старшина быстро соорудил баню, всем выдали чистое белье, новое обмундирование, иными словами, навели парадный лоск. Однако не долго радовали душу парадные мундиры. После торжественного построения батальон снова оделся в привычную полевую форму и уже на следующий день искал по лесам логова бандитов.

Состав банд был не особо многочисленным – человек 40–50. В города они не совались, боялись, а вот в сельской местности чувствовали себя в определенной безопасности. Им было где скрыться от подразделений НКВД. Подготовленные схроны позволяли им пережить зиму, а теплую одежду и провиант они добывали в ближайших селениях. Кто не давал – того убивали. Запугивали население, подрывали его доверие к советской власти. Особенно зверски бандиты обращались с сельскими активистами, учителями и теми, кто приезжал работать в эти области из России и Восточной Украины.

Достаточно неоднозначной представлялась в этом противостоянии и позиция местного населения, особенно той его части, чьи родственники были когда-то обижены советской властью и служили немцам или же находились в бандах. Пособники снабжали бандитов одеждой, продуктами, медикаментами, добывали для них информацию о перемещении

советских частей и подразделений. Но как ни старались бандиты вселить ужас в сердца мирных жителей, как ни пытались прикрыть свои кровавые дела высокой идеей, ничего у них не получалось. Командование частей НКВД быстро взяло под контроль ситуацию в областях, кишаших фашистскими недобитками, и повело планомерную и бескомпромиссную войну по их уничтожению.

После ликвидации очередной банды подразделение, в котором служил Александр Кузнецов, возвращалось в расположение части. Неожиданно солдаты наткнулись на стоянку еще одной банды. Застигнутые врасплох националисты пытались скрыться в лесу, но куда там! Немногим из бандитов удалось вырваться из блокированного района.

Вскоре взвод Кузнецова вышел к широкой лесной опушке, на которой располагался хутор. Было тихо и безлюдно, лишь вымахавшая в человеческий рост на огородах кукуруза негромко шуршала усыхающей листвой. Кузнецов знал, что доверять этой обманчивой тишине – себе дороже. Вдвоем с напарником они осторожно двигались вдоль забора одного из дворов, контролируя каждый участок местности, который мог таить опасность. И она не заставила себя долго ждать. В нескольких десятках метров из густой кукурузы ударила автоматная очередь. Кузнецов с напарником дали несколько длинных очередей в ответ. Подоспевшие бойцы НКВД быстро окружили бандитов. Те, словно загнанные волки, начали метаться, пытались вырваться из окружения. Напрасно.

Александр Артемьевич вспоминает тот бой, словно он случился вчера:

– Одного из выскочивших на нас бандитов уложили на месте. Двое других рванули в разные стороны между домами, стараясь найти убежище в кукурузе. Я решил отсечь одного

бандита от огорода и не дать ему уйти. Дал очередь и попал в него как раз на пороге одного из домов. Когда с напарником подошли поближе, то увидели такую картину: из дома вышла женщина средних лет, перешагнула через труп, плюнула в него и пошла прочь. С нами в группе работал оперативник. Он спросил ее, знает ли она этого человека. Она ответила, что нет. Но потом оказалось, что это был ее сын...

Время в боевых буднях бежало незаметно. Только и успевали отсчитывать месяцы. Но радовало одно: с каждым месяцем в этих лесах становилось тише. Война уходила отсюда, капитулируя перед мирной жизнью.

За восемь лет Александр Кузнецов дослужился до звания старшины. Его единогласно избрали комсоргом батальона. Попутно он исполнял обязанности заместителя батальона. Это сказало на дальнейшей судьбе старшины Кузнецова – пришел приказ об отправке его в Саратовское военно-политическое училище.

Судьба офицера

Все пятьдесят три фронтовика, прибывшие в училище, выпустились уже спустя полтора месяца. Оказалось, что учить их особо нечему, они прошли самую лучшую школу – настоящую войну. Александр вернулся в свою часть на Западную Украину. Но не успел он еще и чемодан распаковать, как вслед за ним пришел приказ о присвоении ему звания «младший лейтенант» и предписание к новому месту службы – в освобожденную от нацистов Германию.

Воинская часть, в которой начал свою офицерскую службу Кузнецов, дислоцировалась под Дрезденом и входила в особую группу по охране урановых рудников. Отслужив три года в Германии, Александр Артемьевич вернулся в СССР уже лейтенантом.

В сентябре 1956 года его перевели в пограничные войска. В то время пограничники остро нуждались в офицерских кадрах. Кузнецов попал служить в Закавказье, в 10-й Хичаурский пограничный отряд на 13-ю пограничную заставу. Красота в тех местах была неопиcуемая. Ровные ковры альпийских лугов устилали склоны Кавказских гор, темные еловые леса редкими узорами разбавляли этот пейзаж. Казалось, если подняться на вершину ближайшей к заставе скалы, то можно руками потрогать облака.

Но пограничная служба была не столь романтичной. В горах специфические условия. Не каждому человеку дано акклиматизироваться в этой местности. К тому же на заставе поначалу не было никаких строений, кроме одного ветхого домишки, в котором ютились и пограничники, и командный состав заставы. Правда, спустя непродолжительное время построили нормальные здания.

Участок государственной границы, где служил Кузнецов, отличался особым напряжением. Иностранцы пытались использовать эту местность для заброски диверсантов и разведчиков.

Застава имела два места дислокации – летнее и зимнее. Летом в приграничной полосе более двадцати колхозов Аджарии выпасали свой скот. Пограничникам в эти месяцы забот добавлялось. Под видом пастухов нарушители пытались проникнуть на нашу территорию. Чтобы этого не произошло, в приграничье действовал строжайший контроль. Это помогло не допустить ни одного прорыва государственной границы. Нарушителей ловили много – порядка сорока человек в год.

Конечно, легко сказать: ловили нарушителей. На самом деле невозможно передать то напряжение сил и нервов, которое испытывали здесь советские пограничники. Вот и Кузнецов не жалел себя и мало обращал внимания на болячки. Мол, поболит и перестанет. Однако после очередной простуды ему так свело спину, что

отправили в госпиталь. Оказалось, неугомонный командир сильно застудил нерв. Вскоре Александра Артемьевича комиссовали. Пришлось искать себе место на «гражданке».

Много воды утекло с тех пор, но и сейчас Кузнецов считает, что его военная служба была одним из наиболее ярких и интересных событий в жизни. Сегодня заслуженный ветеран работает секретарем Координационного совета Международного союза общественных объединений ветеранов (пенсионеров) пограничной службы. Работы хватает.

9 мая, когда за одним столом собираются дети, внуки и друзья, подполковник в отставке Александр Артемьевич Кузнецов произносит первый тост за Победу в Великой Отечественной войне, а второй – за разгром фашистских недобитков и их приспешников в лесах Западной Украины. У него – две войны и две Победы. ■

Фото Т. САБЛИНА
и из архива А. КУЗНЕЦОВА

«БЫТЬ ВРАЧОМ – МОЕ ПРИЗВАНИЕ»

Руслан ПАСЫНКОВ

С терапевтом Владимиром Александровичем Ковтуновичем я познакомился в санатории «Байкал» в этом году, он был моим лечащим врачом. С первых же минут нашего общения мне стало ясно - это не только хороший человек, но и отличный врач. Его доброжелательность и внимание к пациентам, а точнее сказать, к их здоровью чувствовались во всем. Седые волосы и твердый взгляд подсказывали, что в медицине он уже не один десяток лет. Как оказалось, интуиция меня не обманула. «Ковтунович - один из лучших врачей санатория, - подтвердил мои наблюдения начальник здравницы Валерий Трифонов. - Работает в «Байкале» с 1981 года, так что для публикации кандидатура Владимира Александровича подходит как нельзя кстати».

Получив «досье» на нескольких врачей, выполнять редакционное задание я все-таки решил со своего лечащего врача: мы уже были знакомы, значит, разговор должен получиться. Но как только я назвал причину моего прихода, Владимир Александрович засмутился и принялся отговаривать от этого «страшного и ненужного», по его словам, дела. Поймал себя на мысли, что он вдобавок ко всему еще и человек достаточно скромный. А это, согласитесь, редкое по нынешним временам качество. Пришлось пойти на хитрость – выключить диктофон, а затем, когда мой собеседник разговорился, незаметно включить. Потом, конечно, извинился за это.

Владимир Александрович оказался из местных – родился в одном из небольших поселков Иркутской области. Интерес к медицине в детские годы не проявлял. Да и откуда ему было взяться, ведь ни родители, ни родственники к этому не имели никакого отношения. «В старших классах у многих ребят уже появилась мечта кем-то стать, – вспоминает Ковтунович. – У меня же как-то с поступлением все было расплывчато и неопределенно. Поэтому взрослую жизнь пришлось начинать в армейском строю».

А попал простой сибирский парнишка не куда-нибудь, а в Южную группу войск – в Венгрию, где и состоялось его первое знакомство с медициной в должности санитар-инструктора в полковом медицинском пункте. За два года Владимир многому здесь научился. Но самое

главное, перед увольнением в запас Ковтунович твердо знал, кем он хочет стать в будущем – врачом. Не раздумывая, вместе с другом подал документы на рабочий факультет. Во времена Союза на него брали увольняющихся из армии ребят специально для подготовки к поступлению в высшие учебные заведения страны. «Глупо было не воспользоваться таким шансом, – говорит В. Ковтунович. – Ведь краткосрочная учеба гарантировала мое поступление в мединститут!»

Спустя шесть месяцев друзья стали студентами Иркутского медицинского института. По словам Владимира Александровича, для него это означало начало новой жизни. Буквально с первых же дней он стал усердно «грызть гранит наук». Учить приходилось много, но будущему врачу это было только в радость. В этот же период Влади-

мир обзавелся семьей, жена Галя родила ему сына. Мальчика называли Александром. Студенческой стипендии катастрофически не хватало, поэтому главе семьи пришлось подрабатывать. Да что говорить, так тогда жила практически вся молодежь.

Устраивался Ковтунович исключительно в медучреждения. Как говорит Владимир Александрович, совмещал приятное с полезным – вместе с деньгами получал незаменимый практический опыт. Так за шесть лет учебы он освоил должности медбрата и санитаря в ряде городских клиник. В его «досье» значится даже психиатрическая больница.

В 1979 году Ковтунович получил распределение в санаторий «Байкал». В то время это была известная здравница, а посему начинать карьеру в ней мечтали мно-